

7. *Тале Тург* (t[ˈ]ale [ˈ]urg) — лаз, через который проникали в темницу, т.е. на первый этаж.

8. *Моартал* (moartal) — крестообразное крепление, выложенное из камня нижней части второго этажа для его удержания.

9. *Лавжг* (lavžg) — каменные мешки, выложенные по углам внутренней части боевой башни, для хранения зерновых в случае длительной осады.

10. *Влов* (v[ˈ]ov) — боевая башня с пирамидальной крышей, сложенной из сланца, которая кверху сужается.

11. *Злогал* (z[ˈ]ogal) — острый выточенный клинообразный камень, который замыкает свод пирамидальной крыши боевой башни.

12. *Черх* (čerh) — последний этаж боевой башни.

13. *Миркахж* (mirqaž) — четыре окна-бойницы в четыре стороны горизонта последнего этажа боевой башни для наблюдения или введения боевых действий.

14. *Бага* (baga) — сосновые факелы для освещения.

15. *Гув* (uvv) — засов, которым укреплялся вход на второй этаж боевой башни.

16. *Царацур* (čaračur) — приспособление для подъема камней на верхние этажи при строительстве башни, своеобразный подъемник типа журавля.

17. *Мальхара каш* (malhara kaš) — солнечный могильник — усыпальница, общее название.

18. *Имар* ([ˈ]imar) — четырехгранный солнечный могильник.

19. *Герга каш* (gerga kaš) — конусообразный солнечный могильник.

20. *Кьорилг* (gorilg) — выемки в стенах башни для посуды, шкатулок и т.д.

Н.Ф. Соловьева

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ (по материалам раскопок Илгынлы-депе)

Энеолитическое поселение типа телля Илгынлы-депе площадью около 14 га и высотой около 14 м расположено в восточной части подгорной полосы Копет-Дага примерно в 240 км по прямой на юго-восток

от Ашхабада и в 110 км на северо-восток от Мешхеда. Поселение было основано в середине — второй половине V тыс. до н.э. и просуществовало до конца IV тыс. до н.э.

Судя по размерам поселения и густоте застройки, илгынлынская община была довольно большой, от полутора до двух тысяч человек, с богатой и развитой материальной культурой, особенно той ее сферой, которая связана с жилищем и домашним бытом. Рядовые жилые и хозяйственные постройки, сложенные из сырцового кирпича, поражают просторностью помещений и благоустройством дворовых участков, продуманностью деталей архитектуры и качеством отделки. Найденное на поселении обилие медных предметов уникально для энеолита сопредельных территорий (Masson, Berezkin, Solovyova 1994). Высокого уровня достигло камнерезное производство, о чем свидетельствует изготовление мастерами Илгынлы-депе каменных статуй (Solovyova 2005).

О благополучии общины говорит создание значительного количества объектов неутилитарного назначения. Доступная изучению материальная сторона духовной жизни обитателей поселения удивительно богата и красочна. Настенные росписи, детали интерьера парадных помещений и глиняная антропоморфная пластика демонстрируют высокий уровень развития художественного мастерства жителей общины.

Применяемая при раскопках Илгынлы-депе методика исследования позволяет обнаруживать находки, являющиеся материальными свидетельствами обрядовых действий обитателей поселка. Безусловно, археологические исследования первобытных памятников не могут воссоздать стройную картину мировосприятия общества эпохи энеолита, однако обнаружение и тщательное осмысление каждой археологической находки в контексте позволяет как минимум фиксировать следы ритуальных действий.

На Илгынлы-депе не было храма. Археологически засвидетельствованным местом проведения обрядовых действий были культовые комплексы, так называемые парадные помещения или «святилища с красными скамьями», которые обнаружены в каждом или почти каждом исследованном домохозяйстве (Березкин 1989, 1990; Массон 1989; Соловьева 1998; Masson 1989).

За все годы раскопок поселения открыто 25 таких комплексов. Разные размеры и уровень богатства внутреннего убранства «святилищ» предполагают, что «повседневные» ритуалы могли проводиться в маленьких и/или бедных святилищах, важные для коллектива обряды — в более крупных. И, вероятно, в жизни общины наступали такие моменты (например, сев или сбор урожая), когда достигавшие наивысшего напряжения обрядовые действия проводились при участии всех жителей в самых больших и богатых культовых комплексах. Именно такие «святилища» были исследованы на стратиграфическом раскопе 3, где расчищены шесть строительных горизонтов, из которых первый

(самый верхний) сохранился не на всей площади. Остальные пять представляют собой исключительно редкую картину последовательной смены домохозяйств за самыми крупными и богатыми культурными комплексами, существовавшими на протяжении пятисот лет (конец второй четверти — конец IV тыс. до н.э.). Каждое новое здание более позднего горизонта возводилось на месте отслужившего свой срок прежнего, практически полностью повторяя ориентацию, расположение входа и детали внутреннего убранства, в то же время каждый новый комплекс имел присущие только ему особенности (Березкин, Соловьева 1996; Березкин, Соловьева 1998).

Находки, свидетельствующие об обрядовой деятельности обитателей поселка, встречаются не только в культовых комплексах, но и в самых обычных жилых помещениях и хозяйственных дворах.

В ряду небольших помещений, вытянутых вдоль северо-восточной стены хозяйственного двора домохозяйства V строительного горизонта, особый интерес представляет небольшое среднее помещение. На полу у дальней стены напротив входа из слоев битой керамики и глины был сооружен низкий круглый «стол». В стене за «столом» в выложенной фрагментами сосудов нише стояла каменная ступка с пробитым дном. В поверхность «стола» вмонтированы три сосуда, один из которых снаружи по окружности был обложен фрагментами керамики. Этот сосуд был наполовину заполнен пеплом, на пепел по периметру сосуда были уложены фрагменты ребер мелкого парнокопытного. Безусловно, накопление и помещение в сосуд пепла и раскладывание костей было частью ритуального действия, а возможно, и вся конструкция имела ритуальное назначение, подтверждением чему служит обнаруженная в основании «стола» миниатюрная женская терракотовая статуэтка.

За северо-западной стеной помещения со «столом» находилось обычное жилое помещение. И даже в такой рядовой комнате были найдены материальные свидетельства обрядовых действий. Примерно в центре помещения обнаружены намеренно оставленные предметы — обломок большой берцовой кости мелкого парнокопытного и две антропоморфные глиняные статуэтки были вертикально воткнуты в поверхность под первым полом (статуэтки воткнуты головами вниз). В пол этого же помещения был вмазан скелет новорожденного ребенка.

В домохозяйстве V горизонта, как и во всех домах верхних горизонтов, перед «святылицем» был большой парадный двор, в центре которого дважды, в начале строительства и в конце функционирования строения, горел огромный костер. Возжигание и длительное поддержание большого огня в непосредственной близости от помещений чревато пожаром и не оправдано бытовыми целями. Вероятнее всего разведения костра требовали совершавшиеся во дворе обряды, связанные с началом и окончанием «жизни» дома. В ходе раскопок Илгын-

лы-депе собраны данные, свидетельствующие о неутилитарном использовании огня.

Домохозяйство нижнего, более раннего, VI строительного горизонта включало, как обычно, «святилище», парадный двор, хозяйственный двор и небольшое помещение неясного назначения. Как и во всех парадных помещениях домохозяйств, исследованных в пределах раскопа 3, пол и рельефный плинтус «святилища» VI горизонта были выкрашены в черный цвет, а стены выше плинтуса — в белый. На стене напротив входа были обнаружены пять слоев не имеющей аналогов сюжетной черно-белой росписи, выполненной в технике сграффито и, несомненно, связанной с обрядовыми действиями, проводимыми в «святилище» (Соловьева 1998). В центре помещения была найдена целая женская терракотовая статуэтка, намеренно положенная под самую первую промазку пола — материальное свидетельство ритуального действия, возможно, имевшего ту же смысловую нагрузку, что и вмонтированный в переднюю стенку тумбы этого же «святилища» кухонный горшок. Обе эти находки связаны с началом строительства дома.

Уникальные данные были получены в ходе расчистки парадного двора перед «святилищем». Двор и парадное помещение соединялись достаточно широким дверным проемом с невысоким глиняным порогом, который, как и пол в парадном помещении, многократно промазывали чистой глиной и подкрашивали черной краской. Часть двора была перекрыта навесом — сохранились ямки для опорных столбов. Сложенные из сырцового кирпича стены двора, как и стены всех строений домохозяйства, были многократно тщательно оштукатурены, а полы промазаны слоями чистой глины.

Археологическим открытием можно считать найденные во дворе содранные со стен фрагменты штукатурки со следами росписи белой и красной краской. Снятие со стен и разбрасывание фрагментов штукатурки по поверхности двора было, возможно, частью ритуала оставления помещения, следы которого уже многократно удалось обнаружить в исследованных ранее домах Илгынлы-депе.

Все куски штукатурки лежали на полу росписью вниз (возможно, этого требовали какие-то обряды). Рисунок на первом найденном фрагменте напоминает рога архара. На других фрагментах изображены чередующиеся широкая красная сплошная полоса и полоса из косых белых линий. Фрагментированность находок не позволяет восстановить сюжет и понять, как орнамент был расположен на стене. Небольшой фрагмент штукатурки, сохранившийся на нижней части стены, расписан белой и красной вертикальными полосами.

Стены парадного двора имели сложную окраску, поскольку, помимо описанных фрагментов красно-белой росписи, на стенах вдоль пола сохранились следы черной краски. Черное покрытие было и на участках поверхности двора.

Во дворе были найдены фрагменты сломанных и перевернутых глиняных сидений, аналогичных красным скамьям «святилиц» верхних горизонтов. На поверхности большого сиденья сохранился тонкий слой красной краски, а сиденье меньшего размера было раскрашено, как и фрагменты настенной штукатурки, красной и белой красками. Разрушение скамей и переворачивание их сидений, вероятно, было частью ритуала оставления домохозяйства, о котором уже упоминалось выше.

На раннем этапе бытования поверхность парадного двора имела два уровня — его северо-восточная часть была на 15 см ниже основного массива. Соединялись уровни фигурными ступенями. В центре высокой части двора сохранилось пятно от большого костра. Огонь горел длительное время в самом начале функционирования домохозяйства. Золу этого костра сбрасывали на нижний уровень в северо-восточной части двора. Под слоем золы и пепла на поверхности отсека были найдены намеренно разложенные терракотовая женская статуэтка, две фигурки животных из необожженной глины и комплект из четырех костяных ножей. Возможно, и костер, и находки свидетельствуют о ритуальных действиях, посвященных началу «жизни» дома.

Часть золы от костра через очень маленькое окошко в основании юго-восточной стены проталкивали в небольшое помещение. Пол комнаты был неоднократно тщательно промазан чистой глиной. На полу помещения, до того как в нем начала накапливаться зола, в разных местах были намеренно разложены головка быка из необожженной глины, нижняя часть женской терракотовой сидячей статуэтки, заготовка головы антропоморфной статуэтки, три глиняные фигурки бычков, торс антропоморфной стоячей статуэтки и обломок заготовки антропоморфной статуэтки. Слой золы на полу помещения был такой же толщины, как и слой золы во дворе. В золистом слое в помещении были найдены сломанная глиняная фигурка животного, медные шило и колечко и каменная бусина.

Микростратиграфический анализ заполнения парадного двора показал, что после того, как была содрана штукатурка со стен, сломаны красные сиденья и частично разобраны стены, поверх всех обломков был разведен еще более грандиозный костер, зола которого также была сброшена в отсек. Эти действия могли быть частью ритуала оставления жилища.

В домохозяйстве VI горизонта был большой хорошо организованный хозяйственный двор. Часть двора имела навес, на оштукатуренных стенах двора сохранились следы черной краски. От порога до противоположной стены через весь двор тянулся водосток. Проем, соединявший парадный и хозяйственный дворы, был снабжен дверью. Невысокий порог многократно промазывали глиной и покрывали черной краской.

В хозяйственном дворе также были обнаружены материальные свидетельства обрядовых действий — в южном углу двора под первой глиняной промазкой были аккуратно сложены два отпиленных эпифиза бедренной кости мелкого парнокопытного, три обломка сосудов и фрагмент антропоморфной статуэтки. Вероятно, намеренное оставление этих предметов могло быть частью обряда, посвященного строительству и началу «жизни» дома.

Полевые исследования Илгынлы-депе позволяют отчасти закрыть крупнейшую лауну в знаниях о культуре населения Центральной Азии и Восточного Ирана в эпоху среднего энеолита. Раскопки Илгынлы-депе позволяют детально исследовать один из важнейших культурных центров Древнего Востока, изучить хронологическое соотношение культурных комплексов Илгынлы-депе и хозяйство его обитателей и частично реконструировать социальную организацию общины и идеологические представления древних земледельцев Центральной Азии. Археологические материалы подтверждают тезис о том, что стержнем существования общины в целом и каждого отдельного ее члена были ритуалы, которые сопровождали все виды деятельности. Особенно ценными представляются находки, связанные с ритуальными действиями, посвященными жилищу — его сооружению, функционированию и разрушению.

Библиография

Березкин Ю.Е. Энеолитические святилища Илгынлы-депе // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. № 6. Ашхабад, 1989. С. 20–24.

Березкин Ю.Е. Святилища медно-каменного века на юге Туркменистана // Природа. 1990. № 7. С. 55–59.

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф. Символы власти в акефальном обществе. Скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 102–118.

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // Археологические вести. 1998. № 5. С. 86–123.

Массон В.М. Илгынлы-депе — новый центр энеолитической культуры Южного Туркменистана // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. № 6. Ашхабад, 1989. С. 15–20.

Соловьева Н.Ф. Стенопись Илгынлы-депе // Археологические вести. 1998. № 5. С. 124–130.

Masson V.M., Berezkin Y.E., Solovieva N.F. Excavations of Houses and Sanctuaries at Ilgynly-depe chalcolithic site. Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994. P. 18–26.

Solovyova N.F. Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue. BAR International Series 1336. Oxford, 2005.